

Л. К. ЛАТЫШЕВ, А. Л. СЕМЕНОВ

ПЕРЕВОД

ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

УЧЕБНИК

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по образованию в области лингвистики
Министерства образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов, обучающихся
по специальности «Перевод и переводоведение»*

4-е издание, стереотипное

Москва
Издательский центр «Академия»
2008

УДК 7.071.3(075.8)

ББК 81я73

Л278

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор МГЛУ *М. П. Брандес*;
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
немецкого языка МГИМО *В. В. Журавлева*;

кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностраных языков РАН *М. Г. Рубцова*

Латышев Л. К.

Л278 Перевод : Теория, практика и методика преподавания :
учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений / Л. К. Ла-
тышев, А. Л. Семенов. — 4-е изд., стер. — М. : Издательский
центр «Академия», 2008. — 192 с.

ISBN 978-5-7695-5009-6

В учебнике изложены основные теоретические положения перево-
ведения в соответствии с наиболее популярными учебными программами
по курсу перевода. Рассматриваются вопросы практики перевода и мето-
дики его преподавания. В большинстве случаев приводятся примеры пере-
водов с немецкого и английского языков, однако в теоретическом плане
пособие можно использовать вне зависимости от рабочей пары языков.

Для студентов переводческих факультетов высших учебных заведений.

УДК 7.071.3(075.8)

ББК 81я73

Учебное издание

Латышев Лев Константинович, Семенов Аркадий Львович

Перевод: Теория, практика и методика преподавания

Учебник

Редактор *Е. А. Кречетова*. Ответственный редактор *Г. Е. Конопля*.

Технический редактор *Е. Ф. Коржуева*. Компьютерная
верстка: *А. А. Шумилин*. Корректоры *Е. В. Кудряшова, В. Н. Рейбекель*

Изд. № 104105180. Подписано в печать 3.03.2008. Формат 60 × 90/16.

Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,0.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.004796.07.04 от 20.07.2004.
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17-Б, к. 360. Тел./факс: (095)330-1092, 334-8337.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Интернет/Home page — www.sarpk.ru.

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», воспроизведение его любым способом
без согласия правообладателя запрещается*

© Латышев Л. К., Семенов А. Л., 2003

© Образовательно-издательский центр «Академия», 2008

ISBN 978-5-7695-5009-6

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для того чтобы хорошо переводить и эффективно преподавать перевод, знания двух языков недостаточно. Помимо этого необходимо знать законы перевода, определяемые его сложной и противоречивой природой, четко представлять требования, предъявляемые обществом к переводу и переводчику. Сегодня, когда наука о переводе сделала заметный шаг вперед, уже нельзя преподавать по старинке, апеллируя при обосновании переводческих решений лишь к языковой интуиции студентов. При анализе и оценке переводов необходимы более весомые, научно обоснованные аргументы. Умение находить такие аргументы предполагает наличие определенного «теоретического видения» перевода. Цель предлагаемой книги — вооружить преподавателя и студента новейшими знаниями в области теории перевода, рассказать о месте перевода в общественной практике, о проблемах его теории и практики и создать таким образом необходимую теоретическую базу для эффективного преподавания перевода и практического овладения им.

Учебник представляет собой очередной этап в создании единой теоретической концепции перевода, которая исходит из представления о переводе как об общественно детерминированном явлении, деятельности, мотив которой — традиционный общественный заказ на перевод — предписан переводчику обществом. Отталкиваясь от этих общих, отправных положений и концепции, авторы создают единую технологию, в которой механизм перевода подвергается детальному рассмотрению. Не остаются без внимания ни определяющие факторы (детерминанты), ни составляющие факторы (операции и действия) переводческой деятельности. Все положения теории изложены в популярной форме и иллюстрированы примерами — переводами с немецкого и английского языков.

В заключительной главе книги рассматриваются вопросы методики преподавания перевода — малоразработанной области дидактики. Вопрос о методической помощи преподавателю перевода стоит особенно остро. Авторы не навязывают ему жесткую методическую линию. Дается ряд методических приемов, упражнений, которые образуют определенную систему, однако она не является ни жесткой, ни закрытой. В зависимости от конкретных условий эта система может быть видоизменена, сокращена, дополнена. Все изложенные новые методические рекомендации опираются на из-

вестные положения теории перевода, исходят из того понимания его сущности, которое отражено в теоретической концепции, развиваемой в книге. Многие из предлагаемых заданий носят творческий, проблемный характер.

Основная задача учебника — осветить гораздо более широкий круг вопросов общей теории перевода, т. е. перевода вообще, а не в каком-нибудь одном его жанровом проявлении. Это необходимо не только потому, что переводчик сталкивается с текстами разных жанров. В соответствии с современными реалиями наш век наряду с другими эпитетами получил название «век перевода», что связано с небывалым ростом информации, быстрым распространением и потреблением которой мы обязаны переводам. Многие люди, не являющиеся специалистами-переводчиками, — учителя, инженеры, врачи, аспиранты, студенты — вовлечены в переводческую деятельность. Знание основ теории, границ, возможностей и основных приемов перевода по сути дела уже становится элементом общего образования человека. Сегодня, когда требования к кругозору и эрудиции переводчика многократно возрастают, этот «элемент общего образования» как никогда необходим всем изучающим и преподающим иностранные языки, т. е. адресатам нашей книги.

Мы старались дать обзор мнений большого числа ведущих переводоведов, и это отражено в многочисленных ссылках. На подготовительном этапе было тщательно изучено множество подобных изданий; мы постарались использовать лучший опыт и избежать замеченных ошибок. Источниками примеров стали произведения оригинальной литературы, лучшие традиционные и электронные словари, а также наш собственный переводческий опыт.

Авторы

ПЕРЕВОД КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕВОДА. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПЕРЕВОД»

Перевод — один из видов человеческой деятельности. Деятельность — психологическое понятие, обозначающее «специфические процессы, которые осуществляют то или иное жизненное, т. е. активное, отношение субъекта к действительности»¹.

В современной лингвистике понятие деятельности (речевой деятельности) находит широкое применение при изучении речевых процессов. Деятельность имеет сложную структуру. Она складывается из действий и операций. Для нее характерно наличие таких управляющих ею факторов (детерминантов), как потребность, мотив, цели, условия, в которых она протекает.

Любая деятельность возникает из потребности. Однако сама по себе потребность не способна управлять деятельностью субъекта до того момента, пока не будет определен предмет, овладение которым способно ее удовлетворить. Используя некоторую долю образности, можно сказать, что потребность как диффузное состояние неудовлетворенности, нужды слепа и может привести лишь к нецелесообразной активности. Она «прозревает» и получает конкретную направленность, лишь обнаружив предмет, способный удовлетворить ее. В психологии этот предмет именуется предметом потребности или предметом деятельности. Потребность, направленная на определенный предмет (опредмеченная потребность), именуется мотивом. Предмет деятельности (потребности) может быть как вещественным, так и идеальным; как данным в восприятии, так и существующим только в воображении, в мысли.

Поскольку именно предмет потребности придает деятельности направленность, сообщает ей необходимую определенность, отдельные виды деятельности следует различать в первую очередь по их предметам. «Главное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предметов», — указывает А. Н. Леонтьев².

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. — М., 1981. — С. 49.

² Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. — М., 1974. — С. 12.

Что же служит предметом потребности применительно к деятельности переводчика? Очевидно, что для ответа на этот вопрос необходимо сначала выяснить, какую потребность удовлетворяет перевод.

Прежде всего отметим очевидное, но крайне важное для наших дальнейших рассуждений обстоятельство: своей деятельностью переводчик удовлетворяет не личную, а общественную потребность, и при этом он руководствуется не личным мотивом, а мотивом, предписанным ему обществом (общественным заказом).

Целью переводческой деятельности является «производство речевых высказываний по определенному социальному заказу»¹, — пишет А. Ф. Ширяев. Продукт переводческой деятельности создается не под влиянием личных потребностей переводчика, а в соответствии с требованиями, которые относительно однообразны, устойчивы и носят социальный характер.

Все сказанное в принципе применимо к любой профессиональной деятельности. В условиях общественного разделения труда объективное значение деятельности может не совпадать с ее субъективным смыслом, тем смыслом, который она имеет для субъекта деятельности.

Итак, какой общественной потребности отвечает перевод?

Без долгих размышлений можно ответить, что перевод удовлетворяет постоянно возникающую потребность общения между людьми, не владеющими общим языком, или, иначе говоря, людьми, разделенными лингвоэтническим барьером². Однако этот лежащий на поверхности ответ не может удовлетворить нас, ибо он не раскрывает специфики перевода и обслуживаемой им общественной потребности.

Общение с помощью переводчика отнюдь не единственный способ общения через лингвоэтнический барьер. В частности, существуют неязыковые способы преодоления разноязычия: естественные и конвенционные жесты (например, арбитров на спортивных площадках), международные переговорные коды, международные знаки (например, дорожные), математические, химические и другие формулы, общепонятные символы («курить запрещено», «места для инвалидов», «вход», «выход», «столовая» и т. п.). Эти способы общения, не требующие языкового посредника, имеют чрезвычайно узкую сферу применения и крайне ограниченные возможности обмена информацией. Если мы возьмем за эталон

¹ Ширяев А. Ф. Специализированная речевая деятельность: Психолингвистическое исследование на материале синхронного перевода: Дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1979. — С. 119.

² Расхожее понятие «языковой барьер» не вполне адекватно, ибо, как будет показано в дальнейшем изложении, препятствием для общения разноязычных людей является не только отсутствие у них общего языка, но и расхождение их национальных культур.

для сравнения одноязычную коммуникацию¹ как наиболее естественный вид языковой коммуникации, открывающий максимально широкие возможности общения, то должны будем отметить, что неязыковые способы общения даже отдаленно не приближаются к ней.

Языковое посредничество² — общение разноязычных коммуникантов с помощью языкового посредника, владеющего двумя языками, — открывает несравнимо более широкие возможности для общения через лингвоэтнический барьер. И при определенных условиях по своей эффективности практически может сравняться с обычной одноязычной коммуникацией.

Однако, говоря о языковом посредничестве, мы не должны забывать о том, что оно не идентично переводу. Понятие языкового посредничества шире понятия перевода: перевод является лишь одним из его видов. Не все, что выполнено языковым посредником, может быть признано переводом.

Один из видов языкового посредничества — пересказ, используемый главным образом для передачи литературных произведений. При этом могут опускаться мало что говорящие иностранному читателю детали повествования, менее точно, чем в переводе, воспроизводиться текст и т.д. Так, в пересказе для детей у нас изданы известные произведения Дж. Свифта о путешествиях Гулливера; сказка Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес». В 1983 г. в издательстве «Правда» вышел сборник американского фольклора «Народ, да!», в котором наряду с переводами представлены пересказы.

Широкое распространение получил такой вид языкового посредничества, как реферирование иностранных источников, в процессе которого максимально сокращается объем первичного документа при сохранении наиболее существенных элементов его содержания. Достаточно признанным видом языкового посредничества является так называемый сокращенный перевод.

В устном двуязычном общении нередко применяется не получивший еще своего обозначения вид языкового посредничества, который заключается в том, что общающийся не формулирует подлежащий переводу либо пересказу текст, а лишь ставит языковому посреднику коммуникативные задачи типа: «Спросите того», «Узнайте это», «Постарайтесь добиться того-то» и т.д., и посредник сам, не пользуясь «оригиналом», формулирует текст на

¹ Одноязычная коммуникация — речевое общение, в котором общающиеся пользуются одним общим языком. Двуязычная коммуникация — общение, в котором используются два разных языка. В этом случае, как правило, необходим языковой посредник.

² Само понятие «языковое посредничество» (Sprachmittlung) введено в научный обиход лишь недавно известным лингвистом Отто Каде (см.: Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung // Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 3. — Leipzig, 1980).

иностранным языке. Этот вид языкового посредничества можно именовать текстуализацией интенций (коммуникативных намерений общающихся), т.е. их преобразованием в текст на иностранном языке.

В практике двуязычного общения встречаются и другие («гибридные») виды языкового посредничества. Как центральное звено двуязычной коммуникации языковое посредничество во всех его реальных проявлениях изучено еще явно недостаточно. Очевидно, что каждый из его видов соответствует собственной специфической общественной потребности. Нас интересует, что представляет собой та потребность, которую удовлетворяет перевод.

Сопоставляя перевод с другими видами языкового посредничества, обобщив требования, предъявляемые к переводу на практике, и учитывая тенденции его развития, можно сделать вывод, что перевод призван удовлетворить потребность общества в двуязычной коммуникации, в максимальной мере приближенной к естественной одноязычной коммуникации. Следовательно, можно говорить об общественном предназначении перевода, состоящем в том, чтобы обеспечить двуязычную коммуникацию в максимальной степени «по образу и подобию одноязычной». При этом речь идет лишь о возможности п р и б л и ж е н и я коммуникации с переводом к естественной, одноязычной коммуникации, а не о том, чтобы они сравнивались. Последнее по ряду причин, наиболее существенные из которых будут освещены далее, невозможно.

Общественное предназначение перевода существует объективно, т.е. независимо от мнений и желаний переводчиков, потребителей и заказчиков перевода. Оно зафиксировано в общественном сознании в форме некой суммы представлений о том, каким должен быть перевод. Поскольку общественное сознание не есть сумма сознаний отдельных личностей, а качественно особая духовная система, которая живет своей относительно самостоятельной жизнью, отнюдь не каждое индивидуальное представление о переводе соответствует его объективному общественному предназначению. Среди субъективных представлений о переводе встречаются и такие, которые искаженно отражают его общественное предназначение, неверно трактуют его природу и возможности¹.

В специальной литературе общественное предназначение перевода находило лишь свое фрагментарное отражение — в форме

¹ Подробнее на этом вопросе мы остановимся далее. Здесь же расскажем об одном поистине анекдотическом случае. Некий специалист, собиравшийся выступить перед зарубежной аудиторией, потребовал от переводчика, чтобы тот переводил его по отдельным словам: «Я скажу слово, вы меня переведете, потом я скажу еще одно слово, вы меня опять переведете и т.д.». Когда переводчик возразил, сказав, что такой перевод невозможен, специалист заявил, что сам знает, что возможно, а что — нет. Дело кончилось конфликтом. В данной связи возникает мысль о необходимости широкого распространения популярных знаний о переводе.

высказываний, содержащих отдельные требования к переводу и деятельности переводчика. Сформулированное нами положение об общественном предназначении перевода можно рассматривать как обобщение наблюдений и отдельных суждений компетентных специалистов. Рассмотрим некоторые из них.

«Текст перевода, — отмечает В. Н. Комиссаров, — приписывается автору оригинала и используется так, как будто он и есть оригинал. В частности, перевод цитируется, как слова автора»¹. Традиционно считается, что переводчик выполняет свою роль тем лучше, чем меньше он заметен, чем меньше бросается в глаза его участие в создании текста перевода². Переводчик не относится к числу непосредственных участников коммуникации. Он является лишь посредником и сам, собственно, не нуждается не только в переводе, но и иногда в информации, существующей в форме текста на исходном языке³.

Смысл этих высказываний сводится к, казалось бы, парадоксальному положению: несмотря на наличие языкового посредника, люди, общающиеся с помощью перевода, общаются непосредственно, как бы «напрямую». Роль переводчика такова, что его присутствие в идеале вообще не должно ощущаться. И если практически это невозможно, то, во всяком случае, переводчик должен к этому стремиться. Социальный смысл предписываемой переводчику «незаметности» — в общественном предназначении перевода: обеспечить двуязычную коммуникацию, в максимально возможной степени приближенную к естественной, одноязычной.

Общественное предназначение перевода находит свое отражение также в таких традиционных требованиях, согласно которым текст перевода должен восприниматься получателем так же, как он воспринял бы текст оригинала, если бы он владел соответствующим языком, и читаться так же, как оригинал, т.е. чтобы по языку перевода не чувствовалось его иностранное происхождение.

У некоторых авторов общественное предназначение перевода выражается в несколько завышенных требованиях к нему, исходящих из преувеличенной оценки его реальных возможностей. Так, по мнению В. Г. Гака и Ю. И. Львин, «в задачу перевода... входит не только точное изложение содержания мыслей, сообщенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения»⁴. А. В. Федоров считает, что «полноценность перевода означает исчерпывающую пе-

¹ Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — М., 1980. — С. 31.

² См.: Левый И. Искусство перевода. — М., 1974. — С. 16.

³ См.: Ковальчук В. Т. Перевод как особый вид коммуникативной деятельности // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков: Тезисы Всесоюзной научной конференции. — М., 1975. — Ч. 1. — С. 170.

⁴ Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода: Французский язык. — М., 1970. — С. 9.

редачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»¹.

Нельзя не согласиться с Р. К. Миньяр-Белоручевым в том, что подобные завышенные требования «фактически перечеркивают возможность перевода вообще»². Однако на данном этапе наших рассуждений важно то, что такого рода высказывания ученых-переводоведов отражают общественное мнение, которое признает за переводом способность полноценно заменить оригинал.

О том, что идеалом двуязычной коммуникации с переводом всегда была естественная одноязычная коммуникация, свидетельствует и тенденция развития перевода — широкое распространение синхронного перевода. Он ликвидирует неестественный для одноязычной коммуникации разрыв между звучанием речи отправителя и восприятием ее содержания потребителем. Дублирование кинофильмов в максимальной мере уравнивает (по условиям восприятия речи действующих лиц) зрителей кинокартины-оригинала и зрителей ее иноязычного дубля. Неестественный для одноязычной коммуникации акт перевода, лежащий в основе дублирования, скрыт от кинозрителей так же, как скрыт от читателей акт перевода иноязычной литературы.

Существующее как элемент общественного представления социальное назначение перевода начинает актуально осознаваться членами общества (особенно, не являющимися специалистами в области перевода), как правило, лишь в тех случаях, когда перевод в чем-то не соответствует этому предназначению. «Перевод неточен», «Перевод слишком далек от оригинала (чересчур вольный)», «Этот перевод на русский язык звучит не по-русски» — вот наиболее типичные претензии к качеству перевода.

Достаточно распространены упреки в недопустимой национально-культурной ассимиляции перевода, его русификации, англизации, онемечивании и т. д. «В этом переводе Диккенса британские джентльмены разговаривают таким языком, будто они живут в Пятисобачьем переулке в Коломне и только притворяются британцами, а на самом деле такие же Иваны Трофимовичи, как персонажи Шедрина или Островского»³, — написал по поводу одного русифицированного перевода К. И. Чуковский.

На первый взгляд может показаться, что действующий в переводе запрет на национально-культурную ассимиляцию переводного текста противоречит положению о том, что он призван обеспечить двуязычную коммуникацию по образу и подобию одноязычной. Однако это лишь кажущееся противоречие. Претендуя на возможность об-

¹ Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1968. — С. 151.

² Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. — М., 1980. — С. 32—33.

³ Чуковский К. И. Высокое искусство. — М., 1968. — С. 119.

щаться с иностранцем так же, как с ним общаются его соотечественники (в рамках одноязычной коммуникации), потребитель перевода в то же время претендует на то, чтобы его иностранный партнер по коммуникации оставался самим собой и не терял своей национально-культурной идентичности. Следовательно, переводимый текст хотя и должен быть «транспонирован в культуру получателя», но одновременно в своем переводном варианте обязан сохранять инокультурный колорит. Именно поэтому, скажем, немецкое *LPG* не переводится русским *колхоз*. Таков один из парадоксов перевода.

Если мы сравним перевод с другими видами языкового посредничества (пересказом, рефератом, так называемым сокращенным переводом, текстуализацией интенций и т. п.), то вынуждены будем констатировать, что они в силу своей специфики не предназначены для обеспечения двуязычной коммуникации, максимально близкой к одноязычной. Это обусловлено прежде всего тем, что посредник в такой языковой коммуникации становится соавтором сообщения. Он не просто делает его доступным для иноязычного адресата, а еще обрабатывает его, переделывая, сокращая, добавляя, перегруппировывая содержание, заново формулируя текст, комментируя его и т. д. При двуязычной коммуникации с переводом ответственность за реакцию адресата сообщения несет не переводчик, а автор текста при условии, конечно, что перевод выполнен качественно. Этого нельзя сказать о других видах языкового посредничества.

Вопрос об общественном предназначении перевода тесно связан с вопросом о его определении. Подавляющее большинство определений сходится на том, что перевод — это процесс преобразования текста на одном языке в текст на другом языке при сохранении относительно неизменным содержания. Наиболее четко и последовательно такое понимание перевода представлено у Л. С. Бархударова¹. На неполноту, приблизительность подобного определения перевода указывает В. Н. Комиссаров, справедливо считая, что определение нельзя строить на одном, единственном и к тому же весьма относительном (проявляющемся то в большей, то в меньшей мере) признаке².

Ряд определений перевода наряду со ссылкой на точность изложения исходного содержания включает в себя указание на функционально-стилистическую адекватность переводного текста, на его соответствие оригиналу в отношении стиля и формы. Широко известно положение Я. И. Рецкера о том, что «перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем»³. Однако, как показывает практика, эта возможность (соответствие формы перевода и оригинала) достаточно ограничена.

¹ См.: Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М., 1975. — С. 11.

² См.: Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — С. 43.

³ Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М., 1974. — С. 7.

Конечно, определение перевода вполне может быть построено и на перечне его относительных признаков, если этот перечень достаточно полон, тем более что наблюдения за переводом не позволяют выделить такие его лингвистические характеристики, которые проявлялись бы в одинаковой, не варьирующейся от одного случая к другому степени.

Уязвимость многих определений перевода и требований к нему можно усмотреть в том, что они выдвигаются либо априорно — как нечто само собой разумеющееся, либо на чисто эмпирической основе — как результат практического знакомства авторов с переводческим делом. Такой подход к решению задачи не позволяет продвинуться дальше определений, представляющих собой перечень свойств перевода, иногда подлинных, а иногда желаемых. При этом остается без ответа вопрос: почему перевод должен обладать именно данным сочетанием качеств, передавать не только то, что выражено подлинником, но и то, как это в нем выражено? Может быть, вопрос о требованиях вообще излишен, раз они все равно выполнимы лишь относительно?

Все вопросы такого рода получают свои ответы лишь в том случае, если требования к переводу перестанут быть исходным пунктом (постулатом) его теоретической концепции, а будут выводиться из других, более общих ее положений и (или) общих (аксиоматических) положений науки о языке и речи. Тогда появится возможность не только обосновать эти требования, но и выявить их взаимосвязь, определив иерархию. Это позволит сделать шаг от априорно-эмпирических к теоретически обоснованным определениям перевода.

Такую концепцию мы предлагаем в дальнейшем изложении. Ее отправной точкой станет выдвинутое и обоснованное нами положение об общественном предназначении перевода.

Знание истории всегда позволяет лучше понять настоящее. Это распространенное мнение справедливо не только в отношении человека, но и в отношении отдельных видов его деятельности, в том числе перевода. В сложной гетерогенной природе современного перевода, многоликости его проявлений в переводческой практике нам помогает разобраться история перевода, его генезис с учетом «боковых» и тупиковых линий развития.

Подобно тому как невозможно определить «дату» рождения перевода¹, нельзя назвать время, когда начались споры вокруг этой деятельности, порой принимавшие достаточно острый характер. Единственное, в чем можно не сомневаться, так это в том, что потребность в переводе возникла в далекой древности.

¹ Уже в Библии сообщается о переводчике, который переводил переговоры братьев Иосифа при дворе фараона. См.: Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. — Минск, 1972. — С. 116.

В доисторический период, согласно обоснованному предположению П.И.Копанева, активно использовались сразу два вида устного языкового посредничества: перевод вольный и перевод дословный¹. Правдоподобность этого предположения для нас определяется прежде всего тем, что и тот и другой были необходимым этапом развития языковых контактов.

Современный эквивалентный (адекватный) перевод в принципе возможен лишь на определенном, достаточно высоком уровне лингвокультурных контактов, когда соответствующая пара языков и культур достаточно сблизились, процент безэквивалентной лексики ничтожен и соответственно невелики расхождения понятийных тезаурусов. Без такого рода близости языков и культур языковое посредничество между разноязычными коммуникантами, скорее всего, осуществлялось бы с помощью вольного и дословного переводов, которые, обеспечивая общение в каждом конкретном случае, в качестве побочного эффекта шаг за шагом сближали контактирующие языки и культуры, готовя тем самым возможность использования собственно перевода (в его современном понимании).

Перевод — в известном смысле самый совершенный вид языкового посредничества, однако не во всех случаях самый эффективный. К последним относятся те случаи, когда автор (отправитель) употребляет безэквивалентные (неизвестные иноязычному адресату) понятия, поскольку исходный текст содержит информацию о заведомо незнакомых ему элементах чужой национальной культуры. Здесь оказывается более эффективным вольный перевод или вообще пересказ, свободно вмещающий в себя комментарии языкового посредника, описания безэквивалентных понятий и т.д. Недаром пересказы используются, может быть, даже чаще, чем переводы в иноязычных изданиях сказок и другого вида фольклора, которые и в наши дни, отмеченные глобализацией, более, чем что-либо другое, сохраняют национальное своеобразие, разного рода реликтовые культурные реалии. Пересказ с хорошим кратким комментарием может выручить переводчика в ходе неизбежных застолий (после переговоров), когда ему приходится воспроизводить разного рода анекдоты, шутки и т.п., с трудом поддающиеся переводу.

С помощью пересказа и вольного перевода в древние времена толмачи не только решали сиюминутные задачи по обеспечению общения разноязычных людей, но и расширяли их взаимные знания друг о друге, создавая базу для взаимопонимания в будущем, подготавливая условия для использования собственно перевода. Они увеличивали объем контактирующих сфер разных культур и языков путем заимствований, калькирования, подбора устойчивых соответствий.

¹ См.: Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. — Минск, 1972. — С. 64, 68 и др.

Вольный перевод в силу свойственных ему (по определению) малой точности, приблизительности передачи содержания способен был лишь в целом обеспечить взаимное понимание, обмен мыслями в общих чертах, и в первую очередь понимание интенций (от лат. *intentio* — стремление, направленность воли, сознания. — *Примеч. ред.*). Характерной и существенной чертой вольного перевода было и остается то, что в нем присутствует третий участник коммуникации — языковой посредник, в то время как в собственном переводе (не вольном) он участником коммуникации не является, выступая лишь в чисто технической роли незаметного проводника через лингвоэтнический барьер, создающего по мере возможности для иноязычных партнеров впечатление непосредственного общения. В вольном переводе языковой посредник выступает в качестве соавтора коммуникационного текста, поскольку он не просто его переводит, а в той или иной мере перерабатывает, сокращая часть содержания или расширяя его за счет пояснений, трактовок и т. п. Поэтому текст вольного перевода, например, нельзя, подобно собственно переводу, полностью приписывать автору оригинала, цитировать как «его слова на другом языке». Для этого даже в далекие времена требовался более объективный (без соавторства «третьего лишнего») вид перевода.

Таковым являлся и является дословный перевод¹. Он осуществлялся методом калькирования: игнорируя такие качества перевода, как естественность его звучания, легкость восприятия, переводчики переводили «слово в слово», копировали несвойственные языку перевода лексическую сочетаемость и синтаксические конструкции. Вот что писал апологет дословного перевода — немецкий переводчик Николас фон Виле (XV в.): «...эти переводы сделал самым точным слепком латинского подлинника и не обращал внимания на то, будут ли они доступны или недоступны обычному простолюдину»².

Приверженность к дословному переводу многих переводчиков и критиков перевода в те давние и в более поздние времена принято объяснять разными причинами: их профессиональной неискушенностью (в древности учили языкам, но переводчиков не готовили), собственным несовершенным вкусом, благочестивым трепетом перед текстами религиозных книг. Однако при этом забывают, что в определенных ситуациях дословный перевод оказывался единственно возможным видом языкового посредничества. Зададимся вопросом: как могли быть переведены книги Священного Писания с греческого на старославянский, если вольный перевод

¹ «Если... рассмотреть дословный и вольный виды перевода... то дословный будет наиболее объективным, а вольный — наиболее субъективным» (Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. — С. 72).

² Цит. по: Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung // Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 3. — S. 194—195 u.a.

в данном случае был, очевидно, непригоден, а необходимых предпосылок для собственно перевода не существовало? Славянам-язычникам были совершенно незнакомы основные понятия христианской религии и религии Древней Иудеи. Их приходилось передавать методом транслитерации (*ангел, херувим, идол, дьявол, сатана*) или методом калькирования (*злонравный, добропобедный*), разъясняя некоторые из них в примечаниях.

Дословный перевод, как и вольный, существенно способствовал созданию условий для развития собственно перевода. «В процессе сближения языков дословный перевод имеет тысячелетнюю практику переводов Библии и других художественных произведений... Переводить дословно на какой-либо язык — означает так или иначе обогащать этот язык иными семантико-структурными языковыми формами: специфические для языка подлинника обороты и речения, синтаксические конструкции передаются в языке перевода буквально, соседствуя, а иногда и конкурируя некоторое время с соответствующими оборотами этого языка, а затем перемешиваясь с ним. Не важно, если при этом они звучат некоторое время весьма чужеродно, экзотично, но постепенно носители языка перевода привыкают. Таким образом, и дословный перевод увеличивает общие части соответствующих языков»¹.

Вообще-то любой вид перевода или иной способ языкового посредничества в той или иной мере способствует сближению языков (и культур). Но это вторичное, не непосредственное, не осознаваемое обычно переводчиком назначение перевода. В любом акте перевода языковой посредник видит перед собой лишь одну естественно зримую цель: помочь общению разноязычных партнеров, создать текст, являющийся наиболее полноценной заменой переводимого текста. Обогащение языков, сближение культур при этом происходит само по себе, подобно тому как пчела, занятая сбором нектара, сама того не замечая, опыляет цветы.

Функция языкового посредничества реализуется либо «прямо сейчас», в каждом акте устного перевода, либо с некоторой, не большой (относительно скорости протекания языковых процессов) отсрочкой — при письменном переводе. Поэтому эту функцию логично охарактеризовать как синхроническую. Что касается побочного эффекта обогащения и сближения языков и культур, то он осуществляется методом накопления — капля за каплей. Процесс подобного накопления растянут во времени, и поэтому его правомерно рассматривать как диахронический.

Профессиональная деятельность — это всегда выполнение некоего общественного заказа, оправдание определенных общественных ожиданий. От переводчика общество ожидает, что он будет

¹ Копанев П. И. Вопросы истории и теории художественного перевода. — С. 75 — 76.

переводить. Заказчик и потребитель перевода даже и не подозревают того, что переводчик попутно вносит вклад в сближение языков и культур. Поэтому, оставаясь в рамках своей профессии, переводчик не должен оправдывать, подобно русскому поэту и переводчику П. А. Вяземскому (1791—1878), выбор переводческой стратегии экспериментами в области сближения языков: «Есть два способа переводить: один независимый, другой подчиненный. Следуя первому, переводчик, напивавшись смыслом и духом подлинника, переливает их в свои формы; следуя другому, он старается сохранить и самые формы, разумеется, соображаясь со стихиями языка, который у него под рукой. Первый способ превосходнее, второй невыгоднее; из двух я избрал последний. ...Отступления от выражений автора, часто от самой симметрии слов, казались мне противоестественными изменениями мысли его... К тому же... имел я еще мою собственную цель: изучивать, ощупывать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведывать, сколько он может приблизиться к языку иностранному, разумеется, опять без увечья, без распятия на ложе прокрустовом»¹.

Перевод в современном его понимании также был известен в весьма отдаленные времена. Обращает внимание то обстоятельство, что он находил применение практически только при переводах текстов с одного развитого языка на другой в условиях развитых языковых и культурных контактов (например, с греческого на латынь). Вот что писал о своем методе перевода М. Т. Цицерон (106—43 до н. э.), переводивший на латинский греческие пьесы и речи греческих ораторов: «Я сохранил и мысли, и их построение — их физиономию, так сказать, но в подборе слов руководствовался условиями нашего языка. При таком отношении к делу я не имел надобности переводить слово в слово, а только воспроизводил в общей совокупности смысл и силу отдельных слов; я полагал, что читатель будет требовать от меня точности не по счету, а — если так можно выразиться — по весу... Их... речи я решил перевести так... чтобы все их достоинства были воспроизведены в переводе, то есть мысли, как по форме, так и по содержанию и чередованию, слова же лишь поскольку это позволяют условия нашего языка...»².

Много веков спустя — в период до возникновения научного переводоведения — сущность подобного подхода с предельной ясностью сформулировал русский поэт, драматург и переводчик А. К. Толстой (1817—1875). В одном из писем жене он раскрыл принцип, которым руководствовался, переводя «Коринфскую невесту» И. В. Гёте: «Я стараюсь, насколько возможно, быть верным оригиналу, но только там, где верность или точность не вре-

¹ Цит. по: Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — С. 63.

² Там же. — С. 36.

дит художественному впечатлению, и, ни минуты не колеблясь, я отвлекаюсь от подстрочности, если это может дать на русском языке другое впечатление, чем по-немецки. Я не думаю, что следует переводить слова и даже иногда смысл, а главное — надо передавать впечатление. Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы в ту же среду, в которой находится читатель оригинала, и чтобы перевод действовал бы на те же нервы» (подчеркнуто А. К. Толстым. — *Примеч. ред.*)¹.

Имея теперь представление о трех основных направлениях перевода, сосуществовавших в прошлом, мы можем их сопоставить и назвать те особенности, которые предопределили их дальнейшую судьбу.

Вольный перевод давал языковому посреднику неограниченные адаптационные возможности: путем растолкования, добавлений, опущений, радикальных переформирований и т. п. приспосабливать создаваемый вторичный текст к коммуникативной компетенции² потребителя. В то же время вольный перевод был весьма необъективен по самой своей природе, ибо никогда нельзя было поручиться, что именно так сказал тот, кого переводят. И во многих случаях вольный перевод был попросту непригоден: например, при заключении разного рода договоров, соглашений, переводе основополагающих религиозных текстов, важных исторических документов и т. п.

Дословный перевод был и остался самым объективным видом перевода. Точно воспроизводя семантику отдельных языковых знаков исходного текста, копируя синтаксические конструкции, языковой посредник оставляет себе минимум свободы. Отрицательным свойством дословности было игнорирование коммуникативных возможностей потребителя перевода. Выше мы уже цитировали признание Николаса фон Виле в том, что ему безразлично, будут ли его немецкие кальки с латинского понятны обычному простолудину.

Собственно перевод в известной мере представляет собой гибрид дословного и вольного переводов от дословного: он взял установку на максимальную семантико-структурную близость к исходному тексту, но только там, где это возможно, и не ведет к нарушению нормы языка перевода, не создает неясностей и неадекватного восприятия у адресата. В этом случае применяется адаптация, но в ограниченных масштабах. При чем адаптация рассматривается как вынужденная мера, отступление от текстуальной (семантико-структурной) близости к оригиналу под давлением необходимости.

¹ Там же. — С. 69.

² Коммуникативная компетенция — совокупность знаний, умений и навыков в области речевой коммуникации, определяющая восприятие и интерпретацию текста и коммуникативный эффект.